

Научная статья

УДК 1 (091)

https://doi.org/10.25803/26587599_2023_47_69

А. Ф. Макарова

Консерватизм Николая Бердяева: свобода преобразования традиции

Анна Федоровна Макарова

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия,

anna.fed.mak@gmail.com

АННОТАЦИЯ: Статья представляет собой аналитический обзор взглядов русского философа Николая Александровича Бердяева на проблемы консерватизма, осмысления реальности исторической православной церкви и анализ некоторых сюжетов, находящихся на пересечении этих двух полей. Автор предлагает ответить на три вопроса: 1) Что такое консерватизм по-бердяевски? 2) Как такой консерватизм должен (и должен ли) проявляться в жизни церкви? 3) Какова может быть роль философа в этих процессах? Отмечается специфическая бердяевская трактовка консерватизма как свободы изменения (преобразования) традиции при сохранении связи с отцами. Подобные творческие процессы, по мнению философа, должны происходить и в церкви; роль мыслителя, верующего философа в этом может быть весьма велика, что показали на своем примере и сам Бердяев, и герои его статей: «Гасители духа» (1913), «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан» (1928), «Дух Великого Инквизитора» (1935), «Существует ли в православии свобода мысли и совести? (В защиту Георгия Федотова)» (1939). В статье делается вывод о парадоксальном, но устойчивом сочетании в мысли Бердяева вольно-реформаторских и проправославных настроений, усиленных выраженной антиреволюционной позицией — не только политической, но и мировоззренческой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская религиозная философия, православная церковь, консерватизм, Бердяев, традиция

© Макарова А. Ф., 2023

для цитирования: Макарова А. Ф. Консерватизм Николая Бердяева: свобода преображения традиции // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 47. С. 69–88. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_47_69.

A. F. Makarova

Conservatism of Nikolai Berdyaev: freedom to transform tradition

Anna F. Makarova

**Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
anna.fed.mak@gmail.com**

ABSTRACT: The article is an analytical review of the views of the Russian philosopher Nikolai Berdyaev on the problem of conservatism, understanding the reality of the historical Orthodox Church and analysis of some subjects that are at the intersection of these two fields. The author proposes to answer three questions: 1) What is Berdyaev-style conservatism? 2) How should such conservatism manifest itself in the church life (or it should not)? 3) What could be the role of the philosopher in these processes? In the article, Berdyaev's specific interpretation of conservatism is indicated: for him conservatism is the freedom to change (transform) tradition while maintaining connection with the Fathers; such creative processes, according to the philosopher, should also take place in the church, and the role of a thinker, a believing philosopher in this can be important — that was shown by Berdyaev himself and by the heroes of his articles, which became the causes or expression of conflicts between Berdyaev and the Orthodox Church: “Quenchers of the Spirit” (1913), “The Worth of Christianity and the Unworthiness of Christians” (1928), “The Spirit of the Grand Inquisitor” (1935) and “Does freedom of Thought and Conscience exist in Orthodoxy? (In defense of Georgy Fedotov)” (1939). The article concludes that in Berdyaev's thought there is a paradoxical but stable combination of free-reform and pro-Orthodox sentiments, reinforced by an explicit anti-revolutionary position — not only political, but also ideological.

KEYWORDS: Russian religious philosophy, Orthodox Church, conservatism, Berdyaev, tradition

FOR CITATION: Makarova A. F. (2023). “Conservatism of Nikolai Berdyaev: freedom to transform tradition”. *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, iss. 47, pp. 69–88. https://doi.org/10.25803/26587599_2023_47_69.

Введение

В современной России о философах начинают говорить и спорить, как правило, после того, как их цитируют с высокой трибуны. Такой вариант популяризации философских трудов, с одной стороны, эффективен, так как способствует их широкому распространению, с другой — опасен, поскольку любой аргумент к авторитету связывает мыслителя с цитирующим, и связь эта представляется союзнической, что не всегда справедливо. Николай Бердяев время от времени переживает такое повышенное внимание: во-первых, поскольку он писал афористично, его удобно цитировать; во-вторых, он высказывался на многие социально-политические и духовно-религиозные темы, на основе корпуса его текстов возможно составить «Бердяевскую энциклопедию» (наподобие «Розановской энциклопедии» А.Н. Николюкина¹); в-третьих — Бердяев, несмотря ни на что, авторитетен и респектабелен, он вызывает на заочный диалог многие поколения историков философии как в России, так и за рубежом. Когда цитируется мнение Бердяева, например, о большевиках, особенных споров не возникает (как правило, критическими высказываниями философа лишь фундируются риторические атаки); когда же речь заходит об отношении не к одиозным общностям и фигурам, а к категориям, «насущным» для современного дискурса, — таким как свобода мысли и слова, «русская идея», либерализм, консерватизм и т. п. — разгораются дискуссии. В этой статье мы предлагаем ответить на три вопроса: 1) Что такое консерватизм по-бердяевски? 2) Как такой консерватизм должен (и должен ли) проявляться в жизни церкви? 3) Какой может быть роль философа в этих процессах?

Проблема маркеров и идентификаций для истории русской мысли всегда была важной — если не для самих мыслителей, то для их читателей. Отнесение к какому-либо идейному лагерю или давало автору значительный кредит доверия, или позволяло его игнорировать, останавливаясь на критике «вывески» направления, к которому его причислили современники или потомки. Николай Бердяев попадает в такие ситуации с незавидным постоянством: кто он — либерал, консерватор, анархист, социалист? Пожалуй, наименее дискутируемые характеристики — это «Бердяев-патриот» и «Бердяев-христианин», но тогда начинается

1. См. подробнее в: [Розановская энциклопедия].

спор — патриот какой страны, какой из форм воплощения России в XX в.? По поводу единства или разорванности российской истории продолжаются исторические и идеологические дискуссии. В неполитическом поле развилки не меньше: он религиозный философ или «христианский теософ» (богословом его называют редко, хотя и такое обозначение встречается в литературе)? Чадо православной церкви или неизбежный модернист? «Я мучительно чувствовал чуждость всякой среды, всякой группировки, всякого направления, всякой партии. Я никогда не соглашался быть причисленным к какой-либо категории» [Бердяев 1991, 45], — пишет Бердяев, чем, казалось бы, разрушает узел противоречий путем самовольного выключения из любых объединений, повторяет за Григорием Сковородой: «Мир ловил меня, но не поймал». Однако современные мыслители не хотят оставить Бердяева в покое, не могут позволить ему обособиться, не укрепив один из флангов своим присутствием.

Фундаментальные убеждения и симпатии

Предварим разговор о консерватизме обзором «профиля» Бердяева, его корневых убеждений и симпатий. Принято считать, что Николай Бердяев прошел путь «от марксизма к идеализму» — однако отметим, что в марксистский период он размышлял с идеалистических позиций, а в последующем творчестве продолжал признавать гениальность Маркса. Этапы философского становления Бердяева — кантианство, марксизм, идеализм, «новое религиозное сознание» — сформировали ожидание новой исторической эпохи, новой общественности, которое своеобразно переплелось с восприятием советского опыта. В начале своего творческого пути Бердяев был «легальным марксистом» (сам он называл себя «критическим марксистом») и вполне никогда от Маркса не отрекался. В позднем тексте «Самопознание» (1947) он пишет: «Особенная чувствительность к марксизму² у меня осталась и донныне», «Маркса я считал гениальным человеком и считаю и сейчас» [Бердяев 1991, 118]. Просоветская ориентация, характерная для более позднего эмигрантского периода, вероятно, была также связана с надеждой философа на широту

2. Интересно, что большевикам Бердяев отказывает в принадлежности к марксизму, называет их «восточниками» из-за нежелания усложнять мыш-

ление, из-за стремления к целостному, внутренне бесконфликтному мировоззрению, нетерпимому к «ересям».

советского исторического замысла. Сочетание во взглядах Бердяева христианского персонализма и вообще религиозной доминанты мировоззрения с симпатиями к «левому» спектру общественной мысли и делания можно объяснить следующим образом: по мнению философа, нельзя не быть социалистом в вопросах социальных и экономических, однако тотальный социализм, ставший религией и культом, Бердяеву глубоко чужд. Самое отталкивающее для него, как защитника духовных качеств и вершин культуры, — то, что «социализм духовно нивелирует, приводит всех к среднему серому уровню, покупает некоторый подъем равнин дорогой ценой исчезновения всех вершин» [Бердяев 1907а, 7]. Но нивелировать подъемы человеческого духа, ограничивать и насиловать духовную свободу может практически любая человеческая власть — и именно это особо порицает и даже ненавидит Бердяев.

Своеобразие бердяевского консерватизма

Бердяев, несомненно, консервативен, но подразумевает под консерватизмом нечто отличное от того, что является расхожим значением этого слова. Такую терминологическую работу мыслитель проводит по поводу едва ли не всех важных для него категорий: он переопределяет аристократию, демократию, социализм, либерализм — и только после раскрытия смысла собственной дефиниции соотносит свою мысль с этими понятиями. Такой способ самоопределения может показаться лукавым, поскольку Бердяев стремится увлечь собеседников и читателей в разговор на собственных понятийных условиях, но для исторического анализа и вынесения решения о принадлежности Бердяева к консервативному направлению мысли нам сначала неизбежно приходится реконструировать его собственный взгляд, и лишь затем — сопоставить его с конвенциональным понятием «консерватизм», существующим в идейном поле России XX и XXI вв.

Отношение Николая Бердяева к консерватизму явно фиксируется в 1918 г., уже в послереволюционной России, когда он пишет сразу два текста — статью «Мысли о консерватизме» и «Письмо пятое: о консерватизме» для книги «Философия неравенства»³.

3. Книга «Философия неравенства» была впервые опубликована в 1923 г., однако написана была в Советской России в 1918 г., об этом подробнее см.: [Макарова].

По-видимому, текст «Философии неравенства» содержательно первичен: можно предположить, что, понимая невозможность публикации книги в Советской России, Бердяев параллельно написал статью со сходными тезисами, или эта статья стала черновиком главы книги.

Очевидна идейная эволюция Бердяева в вопросе отношения к консерватизму: в резкой статье «Судьба русского консерватизма» (1904 г.) он констатировал «бегство из консервативного лагеря всего живого, талантливого и честного» [Бердяев 1907б, 231], назвал реально существующим в России консерватизмом «практику мрачного реакционерства, казенную, а не мистическую санкцию жизни» [Бердяев 1907б, 232], которая вырождается в «оголенное и бесстыдное насильничество» [Бердяев 1907б, 235]. Бердяев обличает консерваторов в нигилизме, в отрицании «культуры, отрицании религии, философии, науки, литературы, искусства, нравственности, права, всего духовного содержания человеческой жизни» [Бердяев 1907б, 236] (т. е. всякого творчества); завершает он статью «герценовским»⁴ вызовом: «Русский консерватизм невозможен потому, что ему нечего охранять» [Бердяев 1907б, 236]. Даже «старые» славянофилы, которых Бердяев и в 1904, и в 1918 гг. признает истинными, а не выродившимися консерваторами-романтиками, по его мнению, лишь выдумали то, что хотят сохранить, то, чего не было, в сущности, в российском историческом прошлом.

В 1917–1918 гг. Бердяев значительно больше размышляет о природе консерватизма, чем о его практике: радикально изменившийся политический ландшафт исключил возможность критики носителей консервативного мировоззрения, обратив внимание Бердяева на онтологические основания консерватизма. Бердяевское определение консерватизма описано во многих статьях по русской философии⁵, но для развития мысли полагаю необходимым рассмотреть его позицию в такой перспективе: поскольку для Бердяева ключевым понятием и важнейшей ценностью является свобода, консерватизм, с которым он солидаризировался, не может быть понят вне этой категории. Противоречивость этой посылки ничуть не смущает мыслителя, напротив — именно такой взгляд, по его мнению, оживляет, одухотворяет консерватизм,

4. См. текст А. И. Герцена «Prolegomena» (1868) [Герцен].

5. См., напр.: [Маслин; Попов].

делает его вообще возможным и пригодным для исторического творчества (еще один «ключ» к миросозерцанию Бердяева). Формулу бердяевского консерватизма (точнее того, что он считал истинным консерватизмом) можно представить так: *свобода изменения (преобразования) традиции*. Ни один из компонентов формулы не может быть утрачен: застывшая традиция, не допускающая перемены, — не консерватизм, и в этом Бердяев категоричен и последователен:

Когда консерватизм отрицает творчество новой жизни, когда он задерживает движение жизни и представляет лишь силу инерции и косности, он также разрывает отчую и сыновнюю ипостась, он утверждает отца без сына, отца нерождающего. Отцы, восставшие на творческую, а не разрушительную жизнь сыновей, воздвигающие гонение на всякую динамику сыновьей жизни, также разрушают единство Божественной Троичности, как и сыновья, революционно порывающие всякую связь с отцами, истребляющие прошлое [Бердяев 1970, 92].

Таким образом, «гасителями Духа» (одна из самых негативных характеристик в бердяевской критике) могут стать и «нерождающие отцы», и сыновья-хамы, порывающие связь с предками. Когда у Бердяева возникает тема отцов, как правило, звучит имя Николая Федорова, чье интеллектуально-духовное дерзновение глубоко потрясало и восхищало Бердяева и других современников.

Консерватизм, как вечное начало, требует, чтобы в решении судеб обществ, государств и культур был выслушан не только голос живых, но голос умерших, чтобы было признано реальное бытие не только за настоящим, но и за прошедшим, чтобы не порывалась связь с нашими покойниками. Учение Н. Ф. Федорова о воскрешении умерших предков есть прямая противоположность революционизма, есть религиозное обоснование правды консерватизма [Бердяев 1970, 91–92].

Мечта о победе над смертью, о всеобщем воскрешении и есть, по мнению Бердяева, последовательный и доведенный до предела консерватизм, но осуществлять его нужно идейно-духовно, а не научно, не позитивистски; по Федорову же «всеобщее воскрешение есть полная победа над пространством и временем»:

Переход «от земли к небесе» есть победа, торжество над пространством (или последовательное вездесущие). Переход от смерти к жизни, или одновре-

менное сосуществование всего ряда времен (поколений), сосуществование последовательности, есть торжество над временем [Федоров, 236].

Другой заочный собеседник Бердяева, П. Я. Чаадаев, в «Философических письмах» сокрушается, что русские люди не хранят в сердце никаких исторических уроков, помнят только вчерашний день и потому становятся чуждыми сами себе. «Каждый из нас должен сам связывать разорванную нить семейности, которой мы соединились с целым человечеством» [Чаадаев, 7], — на этот тезис Чаадаева хотелось бы обратить особое внимание. Склонность к кружковщине и обособлению, тяга к поиску устойчивой самоидентификации (обязательно предполагающую иных, ошибающихся, врагов) — возможно, это следствие подспудной склонности наскоро связать «разорванную нить», заглушить отзвучивающуюся в каждом боль разрывов в истории России или даже в собственной семейной истории. Бердяев высоко ценит тревогу и тоску Чаадаева, отмечает его большую, чем у славянофилов, прозорливость, однако не солидаризируется с ним вполне. Консерватизм, которого желает Бердяев, — «творческий консерватизм», «культурный консерватизм». Такой общественной силы нет в России, но она ей отчаянно необходима. Бердяев не склонен создавать проекты и прописывать планы, он лишь оценивает и постулирует. Возможно ли в действительности обеспечить «цветение всех цветов»? Очевидно, что Бердяев не ратует за сохранение одной, «правильной» традиции, а хочет, вслед за Федоровым, услышать голос *всех* умерших (крайне редко дискутируется вопрос о ядовитых «цветах» прошлого — имеют ли право сыны уничтожать нежелательную и трудную историческую память). По видимости бескрайняя плюрализация не отличима от либерализма. О возможности и желательности такой связки Бердяев пишет в письме «О либерализме», опубликованном в «Философии неравенства»: «Либерализм должен сочетаться с более глубоким, не внешним консерватизмом, равно как и с социальным реформизмом» [Бердяев 1970, 128], поскольку либерализм сам по себе бесцелен, поверхностен и неонтологичен. Самого Бердяева иногда называют «либеральным консерватором», что в целом справедливо, но слишком мало проясняет.

Что Бердяев противопоставляет здоровому (творческому, культурному, динамическому) консерватизму? С одной стороны, революционное хамство, с другой — инертный, косный традиционализм. Консерватизм должен содержать такие антропологиче-

ческие характеристики, как смелость и сыновнее благородство. Этому противоположно трусливое копирование образцов и форм прошлого и самодовольство *parvenu*, что нередко сочетается. Консерватизм должен идейно обосновать и институционально поддерживать самоорганизацию, самостоятельность и самодисциплину общества, организованное положительное общественное творчество.

Консерватизм и православная церковь

Можно ли приложить *бердяевские представления о консерватизме* к учению православной церкви? В этом вопросе философ сохраняет творчески-консервативную (не оксюморон для Бердяева) настроенность. Известно, что мыслитель не раз имел возможность вступать в публичные споры с официальными представителями Русской православной церкви.

Истинный путь Свободной Церкви пролегает одинаково далеко и от инертного, и фарисейского консерватизма, препятствующего всякому творческому религиозному движению, и от разрушительного революционизма, направленного против внутреннего иерархического лада Церкви [Бердяев 1998, 308].

Это убеждение Бердяев пронес через всю свою жизнь, несколько меняя тональность в статьях «Гасители духа» (1913), «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан» (1928), «Дух Великого Инквизитора» (1935), «Существует ли в православии свобода мысли и совести? (В защиту Георгия Федотова)» (1939). Четыре указанные статьи⁶, полагаю, вполне выражают критическую настроенность Бердяева в отношении исторической плоти православной церкви, которую он отнюдь не отождествляет с Телом Христовым.

«Гасители духа» — текст-обличение, направленный против гонителей афонских монахов-имяславцев и повлекший за собой судебное преследование философа. В свойственной ему манере Бердяев пишет:

6. Этот ряд можно дополнить статьей «Спасение и творчество. Два понимания христианства» (1925), где, помимо привычной апологетики творчества, Бердяев обличает господство в православной церкви интенций «Богоангельства», хотя

Иисус Христос был Богочеловеком и церковь, по мнению философа, должна воплощать Богочеловеческий идеал — в том числе, поощряя творчество и цветение культуры.

Желанно и радостно все, что срывает покров той лицемерной лжи, что все обстоит благополучно и спокойно в православии. Нужно желать всеми силами духа, чтобы раскрылась и обнаружилась всяческая правда, правда, превышающая всякий расчет и всякое благо земное, чтобы настал конец «подвижности» и покою, чтобы духовное землетрясение разразилось под гниющей физической плотью церковности. В этом залог новой духовной жизни, начало богочеловеческого делания [Бердяев 1989, 633].

Статья «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан» (1928) содержит последовательное противопоставление исторической церкви (в этом контексте — «христиан») и Церкви («Христианства»):

Христианство есть религия любви, но судят о ней по злобе и ненависти христиан. Христианство есть религия свободы, но судят о ней по насилиям, которые совершали христиане в истории. Христиане компрометируют христианство, соблазняют малых сих... Христианство не виновато в том, что правду его не исполняют и не осуществляют в жизни. Христос не виноват в том, что заветы Его попирают [Бердяев 1928, 6].

Бердяев отмечает, что нельзя судить о церкви по внешним делам — но внутренняя духовная жизнь Церкви сокрыта, задавлена внешней историей; Бердяев высоко ценит наследие русских святых, отважно надеется на скрытые силы русского народа — наверное, поэтому он и позволяет себе резкую критику исторической церкви, поэтому не боится разувериться, поэтому не теряет своеобразного исторического оптимизма. Сравнительно поздний текст «Существует ли в православии свобода мысли и совести? (В защиту Георгия Федотова)» (1939) связан с еще одним сложным эпизодом в истории православной церкви: в 1939 г. профессора Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже предъявили Г. П. Федотову ультиматум — или уйти из института, или перестать писать статьи на политические темы в леволиберальных газетах. Бердяев возмущен предъявленным к Федотову требованием быть «национально мыслящим»:

Мы знаем, что значить быть «национально мыслящим»: на практике это значить быть бесчеловечным, корыстолюбивым, насильником, ненавистником, провокатором войны и часто войны против собственного народа. Мир погибает сейчас от национализма, он захлебнется в крови от «национально мыслящих»... Христианин не имеет права держаться политического

направления, попирающего свободу и человечность, противоположного евангельскому духу любви, милосердия и братства людей. Христиане должны образовать союз борьбы за свободу человека [Бердяев 1939, 48].

Бердяев ставит вопрос о связи православия с политической системой, недоумевая, почему «левой» политикой православному заниматься нельзя, а «правой» — вполне допустимо.

Завершить краткий обзор бердяевской критики исторической церкви за отсутствие свободомыслия стоит статьёй в защиту о. Сергия Булгакова, продолжающей вопрошание философа о свободе совести и мысли в православии и вполне выражающей его кредо:

...как член этой («Московской патриаршей». — А. М.) Церкви я должен решительно заявить, что отношусь к осуждению о. С. Булгакова с величайшим негодованием, как к обскурантскому насилию над мыслью и богословские идеи этого указа не только не разделяю, но считаю стоящими на очень низком уровне мысли... Я остаюсь в Церкви Христовой, основанной на любви и свободе. За свободу и творчество в религиозной жизни, за достоинство человека нужно вести героическую борьбу [Бердяев 1935, 81].

Попытки привнесения в церковную жизнь дискуссионности, проблематичности, поиски ответов на новые интеллектуально-духовные вызовы находили в Бердяеве яростного защитника. Об этом же свидетельствуют воспоминания⁷ Бердяева о разговорах с сектантами, «народными богоискателями» в московском трактире («Яме») около церкви Флора и Лавра у Мясницких ворот: несмотря на неприятие сектантского духа, особенно рационалистического, философ находил в этих беседах, по-видимому, то, чего ему не хватало в жизни православной церкви.

Церковь всегда оставалась в поле религиозно-философского внимания Бердяева⁸: и Русская православная церковь (и другие исторические церкви), и вселенская церковь. Послереволюционные сдвиги в положении церкви, в отношениях церкви и государства вызвали множество откликов Бердяева, который стремился в период исторических сломов, затронувших строй церковной

7. См. главу 7 «Поворот к христианству. Религиозная драма. Духовные встречи» в книге «Самопознание».

8. Вне поля внимания этой статьи остаются объемные сюжеты «нового религиозного сознания» и некоторых других инициатив, в которых участвовал Бердяев; обзор отношений Бердяева с православной церковью см., напр.: [Козырев].

жизни, размышлять *sub specie aeternitatis*. Бердяев не имеет никаких сомнений по поводу органичной связи православной церкви и русского народа — церковь, по его мнению, столь же неотъемлема от народа, как пророчество от русской литературы, оказавшейся более чем актуальной в революционный период. Впрочем, это не значит, что Россия оказалась достойна и церкви, и наследия своей культуры — напротив, Бердяев подчеркивает, какая пропасть разверзлась (или выявилась) между вершинными духовными, культурными проявлениями и огромными массами русского народа: его православие на поверку оказалось непрочным, поверхностным, бытовым. Церковь для Бердяева, помимо прочего, исторически виновна в угашении духа творчества — однако в пореволюционной России она сама оказывается призвана к беспрецедентному историческому творчеству. Ожидания Бердяева о переустройстве церкви прежде всего связаны с приведением в жизнь принципа отделения церкви от государства для охранения прав человеческой души от посягательств государства и общества; философ регулярно напоминает о максиме «воздайте кесарево кесарю, а Божье Богу». В контексте национальной проблемы важным для будущего церкви, по Бердяеву, является вопрос соединения церквей:

Когда пережитый опыт революции углубит нашу религиозную жизнь, то станет ясно, что церковь не может быть вполне свободной, если она остается национально-обособленной и оторванной от вселенского христианства [Бердяев 2007, 718] —

и задача глубинного, духовного, а не политического обращения Православной церкви к Католической ставится Бердяевым как важнейшая внешняя, мировая задача. Главным же «внутренним» делом мыслитель считает объединение православных со старообрядцами, что становится возможным при падении «официальной» церкви в России — таково настроение Бердяева в 1917 г., которое к концу года значительно ослабло — помимо прочего, из-за Священного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг.

Биографический ответ на вопрос о конфессиональной принадлежности мыслителя очевиден: Николай Бердяев до конца жизни в эмиграции оставался прихожанином Трехсвятительского подворья Московской патриархии в Париже. Ответ с точки зрения идейной и догматической стороны вопроса не столь очевиден: для современных православных Бердяев «неблагонадежен»

и небезопасен из-за своего учения о нетварной свободе (воспринятого у немецких мистиков), идеях об аде, о смысле человеческого творчества и о многом другом. Стоит признать, что клеймо «модерниста» хотя и выводит Бердяева из круга авторитетов, но не угашает внимания и интереса⁹ к нему, пусть и мотивированного желанием уличить философа в ошибке, поспорить с ним, опровергнуть его суждения. Бердяев неоднократно отмечал, что церковь проявляет бóльшую подозрительность к взлетам мысли и духовному дерзновению, чем к грехам плоти — и он сам до сих пор остается «подозрительным». Ни в общении (по воспоминаниям), ни в текстах Бердяев не говорил о себе как о богослове, об ортодоксе¹⁰ — такие ожидания от него не оправданы. Он называл себя «верующим вольнодумцем», «христианским теософом» в «старом смысле» (т. е. в истинном смысле, называя христианскими теософами также Климента, Оригена, свт. Григория Нисского, Николая Кузанского, Я. Беме, Л. К. Сен-Мартена, Ф. К. Баадера, В. С. Соловьева [Бердяев 2018б, 20]). Вопрос о становлении и развитии религиозного чувства Бердяева обширен и выходит за рамки этой статьи.

Консерватизм в христианском учении

Следуя предложенной выше формуле «консерватизма по Бердяеву», уточним ее так: консерватизм верующего — это свобода изменения церковной традиции. Учитывая значение латинского слова *traditio*: «передача, вручение», каждый получивший должен передать дальше традицию непременно преображенной, измененной — точнее, Бердяев не представляет, как возможно иное, если человек дышит, мыслит и творит: «Церковь — богочеловеческий организм и предполагает активность человеческой стихии» [Бердяев 2018а, 17]. При этом в «Философии свободного духа» (1927) он пишет:

Ни одного слова этой книги не следует понимать, как направленного против святыни Церкви. Я могу очень ошибаться, но воля моя не направлена на создание какой-либо ереси или к протесту, создающему раскол. Я сознаю

9. Бердяева цитируют и с православных «высоких трибун», хотя и преимущественно по социально-философским вопросам.

10. См., напр.: «Я, по совести, не могу себя признать человеком ортодоксального типа, но

православие мне было ближе католичества и протестантизма, и я не терял связи с Православной Церковью, хотя профессиональное самоутверждение и исключительность мне всегда были чужды и противны» [Бердяев 1991, 175].

себя вращающимся в сфере проблематического в христианстве и потому допускающего разнообразные мнения и требующего творческих усилий мысли [Бердяев 2018б, 20].

Итак, не посягая явно на догматику (но печалуюсь по поводу идей мздовоздаяния, суда, ада¹¹), Бердяев признает не только возможность, но и неизбежность теологуменов. Основной его призыв — это слова ап. Павла из Первого послания к Фессалоникийцам: «Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь»^{*1}. Второй важный для него новозаветный стих: «Дух дышит, где хочет»^{*2}. Дух, по Бердяеву, — это «творческое становление», а

*1 1 Фес 5:19–21

*2 Ин 3:8

метафизическое и теологическое гипостазирование, объективирование и абсолютизирование известных моментов духовного пути и известных сторон духовной жизни не может иметь того безусловного значения, на которое притязают догматы веры [Бердяев 2018б, 28].

Догматы веры, по Бердяеву, — это факты духовного опыта и духовной жизни, а с ходом истории факты духовной жизни умножаются и должны обновлять собой догматику. «В апостольской церкви Дух был не догматом и учением, а центральным фактом религиозной жизни» [Бердяев 2019, 23], — утверждает философ и призывает «преодолеть натуралистическую метафизику и богословие, победить статическое понимание тайн религиозной жизни» [Бердяев 2018б, 30].

Итак, задача консерватора — не только воспринять и усвоить традицию, но и осмыслить ее, и передать следующему поколению. Почему Бердяев не ставит задачи защитить традицию? В нем сильна презумпция бескорыстности человека, воспринимающего традицию (вера в то, что намеренно он не будет ее искажать), и силы Божьего промысла, которым все и решится — Бог представляется лучшим защитником всего живого в традиции, чем человек. Если говорить о церковной традиции и о ее преобразении, то как «все испытывать»? Бердяев не дает прямого ответа, снова и снова

11. См., напр., главу «Ад» книги «О назначении человека», которую Бердяев считал одним из своих основных трудов. Исследователь К. М. Антонов суммирует аргументацию Бердяева против ада: «...Концепция ада оказывается разрушительна или для нашего понимания справедливости (в случае,

если она сопоставляется с идеей Суда), либо для нашего понимания свободы (которое либо поглощается идеей предопределения, либо оказывается своеобразной юридической или моральной ловушкой, причем ловушкой не только для человека, но и для Бога)» [Антонов, 105].

призывая: «Нужно испытывать духов. Не всякому духу можно верить» [Бердяев 2018б, 39]. Богословская «идентичность» Бердяеву неблизка помимо прочего потому, что теологию он считает «социально-организованной, коллективной познавательной реакцией на откровение» — в противоположность философии как откровению индивидуальному. Более того, Бердяев убежден, что философ профетического склада и дерзновения, которого он противопоставляет «научному» и неявно называет истинным философом, мыслителем более высокого порядка, обязательно будет посягать на «монополию» теологии¹². Философ, находящийся в церкви, в ответ на такую позицию встретит обильную критику. Так, в документе Русской православной церкви «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям» (2000) содержатся следующие положения, внешне противоположные тезисам Бердяева:

Православие — это внутреннее качество Церкви, сохранение вероучительной истины, богослужебного и иерархического строя и принципов духовной жизни, *непрерывно и неизменно* пребывающих в Церкви со времен апостольских... Недопустимо ограничивать согласие в вере узким кругом необходимых истин, чтобы за их пределами допустить «свободу в сомнительном». Неприемлема сама установка на толерантность к разномыслию в вере [Основные принципы].

Отметим, что в церковной риторике «разномыслия» недалеко отстоят от «разделений», признаваемых явно нежелательными, — таковыми иногда признаются и богословские споры (например, у о. Серафима Роуза, прп. Викентия Лиринского). Персоналистическая ориентация Бердяева, крепко связанная с его взглядом на консерватизм, также встречает неоднозначную оценку. Усвоение и развитие этой проблематики митр. Иоанном (Зизиуласом)¹³ — скорее, исключение, а правилом можно назвать позицию протопр. Николая Афанасьева¹⁴, современника Бердяева и одного из авторов «Пути». Тем не менее, бердяевская надежда

12. Дальнейшее рассмотрение соотношения теологии и философии в мысли Бердяева мы считаем возможным в этой статье не проводить — философ сам это делает, например, в первой главе «Философии свободы» (1911) и в первой же главе книги «Я и мир объектов» (1934).

13. Например, работы «Личность и бытие», «Отец как Причина: личность, порождающая инаковость».

14. См. напр.: «В Церкви личность не противопоставляется другой личности и Церкви, так как рядом с нею всегда стоят другие члены Церкви, без которых ее существование невозможно. Отдельное „я“ всегда включено в Церкви в „мы“, без которого нет „я“, но „мы“ не есть конгломерат отдельных „я“, а сама Церковь» [Афанасьев, 294].

на обновление догматики встречает понимание и у некоторых его современных исследователей. Так, Дж. Маккуорри в главе «Бердяев: русский (не очень) православный мистик» пишет, что

некоторые его (Бердяева. — А. М.) идеи трудно примирить с классическим теизмом «магистральной» христианской теологии. Но, возможно, эта теология требует пересмотра и переосмысления [Macquarrie, 77].

С другой стороны, философия Бердяева нередко трактуется как гностическая — и иногда он исключается даже из круга христианских мыслителей, оставаясь и вне возможности внутрицерковного творчества.

Однако отметим, что в основной интуиции о творческом консерватизме в церкви Бердяеву созвучны и Л. А. Тихомиров (например, в «Борьбе века» он указывает на близость истинного консерватизма и истинного прогресса), и ранний С. Н. Булгаков:

...воззрению на церковь, согласно которому ей приписываются лишь функции охранительные, консерватизм предания, мы противопоставляем идеал церкви творящей, растущей, развивающейся. Как учреждение богочеловеческое, она имеет неподвижную мистическую основу в лице своего Божественного Главы и, конечно, церковно-догматического учения о Нем, и человеческую стихию, развивающуюся исторически в границах пространства и времени [Булгаков, 308–309].

В 1909 г. в «Вехах» Булгаков надеется, что русское общество будет учиться у истории, будет учитывать опыт добра и зла — т. е. будет выставлять те самые духовные, культурные «стопоры», которые, по Бердяеву, должны препятствовать откату в хаос и звериное состояние.

Заключение

В завершение статьи рассмотрим вопрос о том, какую роль в развитии церковного учения должны играть философы, интеллектуалы — словом, те, чей духовный путь обременен или обогащен постоянными сомнениями и навыком их рационального преодоления.

Простая баба, говорят нам, спасается лучше, чем философ, и для спасения ее не нужно знания, не нужна культура и пр. Но позволительно усомниться

в том, что Богу нужны только простые бабы, что этим исчерпывается план Божий о мире [Бердяев 1926, 40], —

в этом ироническом замечании Бердяев подчеркивает ценность для церкви «проблемных» христиан — тех, кто ставит под сомнение не только обычаи, но и вероучительные основания. Самого себя считая «вращающимся в сфере проблематического в христианстве» и, скажем более, будучи проблематизатором некоторых тем, Бердяев видит в этом призвание не менее важное для церкви, чем призвание священника. Философское творчество он сближает с пророческим служением, «до времени секуляризованным», — впрочем, таковым может стать любой творческий акт. В мысли Бердяева можно выделить четыре основные направления человеческого творчества: знание (фундаментальная наука), изобретение (прикладная наука), искусство (художественное творчество), усовершенствование общества (общественно-политическая деятельность) — и все это может вести к «преображению космоса», к осуществлению Божьего замысла о мире. «Плотник ли я или философ, я призван Богом к творческому строительству» [Бердяев 1926, 42], — пишет Бердяев, случайно или намеренно ставя рядом аллюзию на ремесло Иосифа и Иисуса Христа («тектон») ¹⁵ и труд философа.

Известное бердяевское рассуждение о том, что «философа почти никто не любит» ¹⁶, имеет прямое отношение к церковной неприкаянности верующего философа:

Верующий философ тоже хочет быть свободным в своем познании. И он сталкивается с социальной объективацией своей веры (авторитет церковной иерархии, авторитет теологии, которая его держит под подозрением, ограничивает, обвиняет в ересь и преследует) [Бердяев 1934, 14] —

итак, Бердяев вновь противопоставляет социальное и индивидуальное, не вводя в рассмотрение соборное. Наиболее же трагично для верующего философа столкновение открытий веры и философского познания — конфликт внутренний, глубинный, который не может быть изжит, но который способен породить творчество, столь важное для жизни церкви.

15. Плотник (греч. ὁ τέκτων) — *Прим. ред.*

16. Так начинается книга «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения».

Бердяевский взгляд на консерватизм, несомненно, «неканоничен» и несет на себе сильнейший отпечаток личности автора. В начале XX в. философ выступал против косного консерватизма, в пореволюционную пору — против революционизма, столь же мертвящего живой росток духовной культуры. Россия, по его мнению, несчастна как прерывностью традиции, нелюбовью к собственной истории, пренебрежением к предкам, катастрофической вынужденностью все начинать сначала, так и тем, что консерватизм в сознании многих — начало насилующее, враждебное движению, не питающее корень, а подрезывающее крону дерева. Революционизм, впрочем, Бердяев атакует значительно сильнее, поскольку он и вовсе не церемонится с корнем. Воскрешение вечного и нетленного в прошлом при забвении «гнилостных, разлагающих процессов» этого прошлого — задача творческого консерватизма, обращенного к религиозным основам жизни. Выяснение этих основ и социальных форм их бытования — задача, по Бердяеву, важнейшая и, по нашему мнению, не выполненная.

Источники

1. *Афанасьев* = Афанасьев Н. Н. Церковь Духа святого. Париж : YMCA-Press, 1971. IX, 332 с.
2. *Бердяев 1907a* = Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. Санкт-Петербург : Изд-е М. В. Пирожкова, 1907. 233 с.
3. *Бердяев 1907b* = Бердяев Н. А. Судьба русского консерватизма // *Sub specie aeternitatis: Опыт философии, социальные и литературные*. Санкт-Петербург : Изд-е М. В. Пирожкова, 1907. С. 227–236.
4. *Бердяев 1926* = Бердяев Н. А. Спасение и творчество (два понимания христианства) // *Путь*. 1926. № 2. С. 26–46.
5. *Бердяев 1928* = Бердяев Н. А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан. Варшава : Добро; Париж : YMCA-Press, 1928. 29 с.
6. *Бердяев 1934* = Бердяев Н. А. Я и мир объектов : Опыт философии одиночества и общения. Париж : YMCA-Press, 1934. 191 с.
7. *Бердяев 1935* = Бердяев Н. А. Дух Великого Инквизитора (по поводу указа митрополита Сергия, осуждающего богословские взгляды о. С. Булгакова) // *Путь*. 1935. № 49. С. 72–81.
8. *Бердяев 1939* = Бердяев Н. А. Существует ли в православии свобода мысли и совести? (В защиту Георгия Федотова) // *Путь*. 1939. № 59. С. 46–54.
9. *Бердяев 1970* = Бердяев Н. А. Философия неравенства. Париж : YMCA-Press, 1970. 242 с.

10. *Бердяев 1989* = Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Париж : YMCA-Press, 1989. Т. 3. 714 с.
11. *Бердяев 1991* = Бердяев Н. А. Самопознание / Сост., предисл., подгот., комм., указат. имен А. В. Вадимов. Москва : Книга, 1991. 445 с.
12. *Бердяев 1998* = Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Санкт-Петербург : РХГИ, 1998. 432 с.
13. *Бердяев 2007* = Бердяев Н. А. Свободная церковь // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. Москва : Астрель, 2007. 1179 с.
14. *Бердяев 2018a* = Бердяев Н. А. Гасители духа. Москва : T8RUGRAM, 2018. 132 с.
15. *Бердяев 2018б* = Бердяев Н. А. Философия свободного духа. Москва : T8RUGRAM, 2018. 494 с.
16. *Бердяев 2019* = Бердяев Н. А. Дух и реальность. Москва : Директ-Медиа, 2019. 204 с.
17. *Булгаков* = Булгаков С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Москва : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1911. 315 с.
18. *Герцен* = Герцен А. И. Prolegomena // Он же. Сочинения в 2-х томах : Т. 2. Москва : Академия наук СССР : Институт философии : Мысль, 1986. С. 500–525.
19. *Розановская энциклопедия* = Розановская энциклопедия / Сост. и гл. ред. А. Н. Николюкин. Москва : РОССПЭН, 2008. 2420 с.
20. *Федоров* = Федоров Н. Ф. Собрание сочинений / Сост., подгот. и коммент. А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой : В 4 т. Т. 2 . Москва : Прогресс, 1995. Т. 2. 498 с.
21. *Чаадаев* = Чаадаев П. Я. Философические письма. Казань : Тип. Д. М. Гран, 1906. 99 с.

Литература / References

1. *Антонов* = Антонов К. М. Проблематизация идеи вечных адских мук в философской эсхатологии Н. А. Бердяева // Философия религии: аналитические исследования. 2022. Т. 6. Вып. 2. С. 90–113.
Antonov K. M. (2022). "Problematization of the Idea of Eternal Hellish Torments in the Philosophical Eschatology of N. A. Berdyaev". *Filosofija religii: analiticheskie issledovaniia*, v. 6, iss. 2, pp. 90–113 (in Russian).
2. *Козырев* = Козырев А. П. Николай Бердяев: жизнь в поиске Богообщения // Фома. 2018. № 11. С. 60–69.
Kozyrev A. P. (2018). "Nikolai Berdyaev: life in search of communion with God". *Foma*, n. 11, pp. 60–69 (in Russian).

3. *Макарова* = Макарова А. Ф. Творческий путь Н. А. Бердяева в первые послереволюционные годы (1917–1922) : Дисс. ... канд. филос. наук. Москва, 2021. 276 с.
Makarova A. F. (2021). Creative way of N. A. Berdyaev in the first post-revolutionary years (1917–1922) : Diss. ... Cand. Sci. (Philosophy). Moscow (in Russian)
4. *Маслин* = Маслин М. А. К вопросу о консерватизме Николая Бердяева // Тетради по консерватизму. 2018. № 2. С. 11–20.
Maslin M. A. (2018). “On the question of Nikolai Berdyaev’s conservatism”. *Tetradī po konservatizmu*, n. 2, pp. 11–20 (in Russian).
5. *Основные принципы* = Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html> (дата обращения: 26.05.2023).
Basic principles of the attitude of the Russian Orthodox Church towards heterodoxy, available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html> (26.05.2023) (in Russian).
6. *Попов* = Попов А. А. Н. А. Бердяев о консерватизме славянофилов // Тетради по консерватизму. 2014. № 3. С. 54–60.
Popov A. A. (2014). “Nikolai Berdyaev on Slavophiles’ conservatism”. *Tetradī po konservatizmu*, n. 3, pp. 54–60 (in Russian).
7. Macquarrie J. (2003). *Stubborn Theological Questions*. London : SCM Press Ltd.

Информация об авторе

А. Ф. Макарова, канд. филос. наук, научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН.

Information about the author

A. F. Makarova, Cand. Sci. (Philosophy), Research Fellow, Department of the History of Russian Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.03.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 27.04.2023.